

Виктория ДЬЯКОВА

ЕВГЕНИЙ МРАВИНСКИЙ. ПОВЕЛИТЕЛЬ ОРКЕСТРА

«Кому дано, да внемет ликованию, тот слышит песнь земли, земного содрогания и видит лик огня меж тяжких, мёртвых туч, и зрит из тьмы рождённый ясный луч...», — так начинается одно из стихотворений, написанное двадцатидвухлетним Евгением Мравинским.

Более всего Евгений Александрович любил уединение с природой. Как выдастся свободное время — сразу за город, подальше от шума, в любимые места. «Приедешь сюда с беспокойной, сумрачной душой, — записал он в дневнике. — А вокруг — солнечное царство, долгое волхование природы, постепенное пробуждение образов, желаний, мыслей. Наконец, мир и ясность души».

«Он себя считал мельчайшей частицей космического мира, — вспоминала супруга Мравинского Александра Михайловна Вавилина. — Всегда говорил, что с людьми труднее».

Евгений Александрович Мравинский родился в Санкт-Петербурге 22 мая (4 июня) 1903 года в дворянской семье. Его ближайшими родственницами, тётушками, были известная революционерка Александра Коллонтай и сопрано Мариинского театра Евгения Мравина. Дед по отцовской линии — военный инженер, генерал-майор. Он участвовал в обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Отец Александр Константинович, выпускник Императорского училища правоведения, состоял членом консультации при Министерстве юстиции, служил окружным юрис-

Е.А. Мравинский (1903–1988)

консультантом военно-окружного совета Петроградского военного округа, имел чин тайного советника (генерала).

Мать Елизавета Николаевна происходила из дворянской семьи Филковых. Она была большой поклонницей театра и музыки. Евгений был единственным сыном в семье. Так получилось, что Елизавета Николаевна узнала о том, что станет матерью, находясь в Венеции. Она всегда считала, что сама судьба распорядилась так, чтобы её сын посвятил себя прекрасному. С шести лет родители начали обучать Евгения игре на фортепиано, его всегда брали на симфонические концерты, у семьи был постоянный абонемент в Мариинский театр.

Семья проживала недалеко от театра в большой квартире на Средней Подъяческой улице, и Евгений, возвращаясь из гимназии, нередко заглядывал на репетицию к тётушке.

Природа сильно занимала мальчика. И в свободное время он с ближайшими друзьями по гимназии уезжал в пригороды Петербурга с сачком, чтобы изучать окружающий мир.

Революция 1917 года положила конец прежней жизни. Умер отец. По одной из версий он был застрелен на улице. Вместо большой квартиры с анфиладой комнат семья вынуждена была ютиться в крохотной комнатке в коммуналке. Нищета, голод. Елизавете Николаевне с трудом удалось устроиться в Мариинский театр швейей. Некоторое время Евгению даже пришлось жить в интернате. Мравинский до конца дней всегда дорожил куском хлеба, вспоминая, что пришлось пережить после революции.

Однако никаких послаблений в воспитании не позволялось. «Надо терпеть!», — говорила мать. «Январь 1918 года, ужас, что творится всюду, и дома, и в политике, — пишет в дневнике молодой Мравинский. — Проснулся сегодня, и так стало безрадостно. Всю ночь была перестрелка. Ужасно. Утром стало известно, что грабили церковь. На Сенной убили батюшку. Как быть? Принять, не принять это? Влиться? Или бороться? Или вообще перестать существовать? Как тяжело принять». Нет, заключает Мравинский, надо быть собой. В том времени и в той среде, где ты есть.

После смерти отца молодой Мравинский начал работать за кулисами Мариинского театра в качестве репетитора балета. Изучение природы по-прежнему влекло его, и он поступил в университет для изучения биологии. Но потом оставил естественные науки. Юноша поступает в Ленинградскую консерваторию, куда его приняли благодаря рекомендации Александры Коллонтай, так как классовое происхождение будущего дирижёра было неподходящим.

В 1938 году, одержав блистательную победу на Первом Всесоюзном конкурсе дирижёров в Москве, Мравинский был назначен приказом комитета по делам искусств при Совете Народных комиссаров СССР руководить оркестром Ленинградской филармонии. «Мне вспоминается, что я начал с введения строгой дисциплины, — записал позднее Мравинский. — Вначале это не всем нравилось. А музыканты — народ с юмором. И надо было обладать выдержкой, чтобы не растеряться и настойчиво утверждать свои принципы в работе. Понадобилось время, чтобы мы полюбили друг друга». Коллектив Ленинградской филармонии в то время действительно был непростым, строптивым. Трудно было представить, что именно Мравинский проработает с этим оркестром более пятидесяти лет.

Филармонический оркестр — старейший музыкальный коллектив страны, ведущий своё происхождение от придворного симфонического оркестра. Богатые традиции, высокий класс, отборные музыканты. Солисты оркестра, — все сплошь профессора консерватории, — по сути, взяли управление оркестром в свои руки. Ни один из дирижёров, а их сменилось немало, — Бердяев, Мальков, Гаук, — в оркестре долго не работали, уходили. И вот пред очи такого коллектива является 35-летний Мравинский.

Репетиции скорее напоминали схватки дирижёра с оркестром. В перерыве Мравинский уходил в дирижёрскую комнату и даже плакал, не в силах сдержать обиду. Но позиций не сдавал. Ему было недостаточно встать наравне с оркестром. Он должен был показать, кто здесь хозяин. Не потому, что хотел власти, а только сделав оркестр своим инструментом, он мог добиться единственно верного с его точки зрения звучания.

Много позже один из учеников Мравинского был очень удивлён, застав маэстро с лупой, изучающим партитуру сотни раз игранной им симфонии. «Смотрю, не пропустил ли какой-либо точки», — пояснил дирижёр. Эта дотошность Мравинского в сочетании с железной волей и хладнокровием оказалась для музыкантов страшнее всего. Мравинский оттачивал и оттачивал детали, доводя оркестрантов до белого каления и как будто не замечая этого.

Многие музыканты не принимали методы Мравинского. Сохранился рассказ о том, как вскоре после войны первый скрипач во время репетиции начал отбивать ритм смычком прямо по дирижёрскому подиуму, весьма демонстративно. «В знак протеста Евгений Александрович резко наступает ногой на смычок, — рассказывал Святослав Рихтер. — У скрипача замешательство. Он пытается вырвать смычок из-под ботинка Мравинского. Тот не отпу-

скает и переламывает смычок пополам. При этом репетиция ни на секунду не прерывается. Вот уж кто умел власть употребить».

Все, знавшие Евгения Александровича, отмечали его чувство собственного достоинства. Он всегда держался строго и умел сохранять дистанцию. «Это его маска, его поведение, — отмечала Александра Михайловна Вавилина. — Воспитание с детства. Так нужно себя вести. На самом деле он был на восемьдесят процентов застенчив. Мама всегда говорила ему: “Женя, перестань сутулиться”. Он это объяснял тем, что он хотел как можно меньше пространства занять. Он был высокий, большой, потому сутулился. Всегда на людях он был мало говорлив, в основном слушал и молчал. Душа нараспашку — это не про Евгения Александровича. Всегда галстук, пиджак. Одежда, которая Евгением Александровичем украшалась. Не наоборот. Обычно считается, что одежда красит человека. Нет. Чтобы Евгений Александрович ни надел, эта вещь становилась красивой».

Оркестр Ленинградской филармонии под управлением Мравинского без труда покоряет страну, а начиная с 50-х годов с триумфом гастролирует за рубежом. Международная критика безоговорочно признаёт коллектив одним из лучших оркестров мира. «Ленинградская филармония играет как дикий жеребец, которого едва сдерживает сила воли его хозяина, — писала одна из газет. — Каждое малейшее движение исполнено яростной гордости. В любой момент оно может перейти в такой бешеный галоп, что вы не знаете, радоваться вам или бояться».

Однако Мравинский никогда не был полностью удовлетворён достигнутыми результатами. «Очень, очень горько, — записывает он в дневнике. — Жизнь пройдена, и вся — не в том материале». Дирижирование — дело жизни — Мравинский называет «не тем материалом». «В этом весь Евгений Александрович, — объясняет Александра Михайловна. — Вот Николай Черкасов, его близкий друг, называл его “самогрызом”. Обычно это свойственно большим художникам. Чем больше сделал, тем больше себя грызёт».

Однако Мравинский всю жизнь жалел, что оставил своё увлечение природой. Он не просто наслаждался природой, он её великолепно знал. Штудировал труды по ботанике, орнитологии. Не зря в консерваторию Мравинский решил поступать не сразу. Год он проучился в Петроградском университете, желая стать естествоиспытателем. Но музыка взяла верх.

«Он уступил желанию мамы, — рассказывала Александра Михайловна Вавилина. — На одной из фотографий, где они изображены вместе, мама на обратной стороне пишет: “Мне было бы

очень больно, если бы я ошиблась в звучании твоей души”». Она понимала, сколь он тонок, сколь он нежен и сколь он одарён.

Елизавета Николаевна была большой приверженицей музыки. В доме у них висело много портретов «небожителеев», как называли. Родная тётка Евгения Константиновна Мравина была одной из лучших сопрано Европы! Шестилетним мальчиком, как пишет сам Евгений Александрович, он был «опалён музыкой». Прекрасно занимался музыкой. Любил языки. «Мы просматривали как-то его табели детские, я просто поражаюсь, — признавалась Александра Михайловна, — У него греческий “отлично”, латынь — “отлично”, немецкий и французский — “отлично”». В одном из писем сестре Елизавета Николаевна отмечала; «Женечка по-русски уже говорит так же хорошо, как по-французски».

«Не хочу огорчать маму, — записал юный Мравинский в дневнике. — Из эгоизма стать тем, кем я хочу, естествоиспытателем. Это было бы дурно».

«Мы были знакомы с Мравинским ещё в Петербурге, он учился в консерватории, и я тоже, — вспоминал Джордж Баланчин. — Мы с ним всегда сталкивались в Мариинском театре. Он там был в мимансе. Потом в школе работал пианистом. Он был моложе меня, похож на меня, только выше ростом. Стихи сочинял. Я тогда в поэзии ничего не понимал. А тут смотрю, вроде толковый человек, поэт. Ну, думаю, почему же мне не написать музыку на его стихи? И написал».

Как бы ни был Мравинский обласкан советской властью, он всё равно чувствовал себя чужаком. Голова римского патриция, всегда ровная спина, аристократические манеры, безукоризненно сидящий фрак — ничего общего со многими, кто его окружал. Его родственница Александра Коллонтай называла Мравинского: «Мой лорд!».

Когда Мравинского избрали почётным членом знаменитого Общества друзей музыки в Вене, все присутствующие на церемонии были поражены не только величественным обликом маэстро, но и его великолепным немецким, на котором он произнёс благодарственную речь.

В СССР далеко не всегда путь знаменитого дирижёра был устлан цветами. Чиновники не раз грозили Евгению Александровичу

Л. Русов. Портрет
Е.А. Мравинского

увольнением, не пускали на гастроли. Существует легенда о том, как Мравинского вызвали в Смольный и стали отчитывать за то, что из его оркестра уезжают музыканты. «Не от меня они бегут, а от вас», — якобы ответил Мравинский. «Думаю, что это байка, которых немало ходило о Мравинском, — замечала А. М. Вавилина — но неприятие аристократизма Мравинского существовало, это верно. Всё-таки он был недостижим для них и непонятен — не свой, одним словом».

Не нравилась властям и дружба Мравинского с Шостаковичем. Мравинский исполнял произведения композитора, несмотря на гонения, которым подвергался Шостакович. Когда в 1948 году музыка Шостаковича была объявлена антинародной и её исполнение значило вредить себе, Мравинский не только дирижировал Пятой симфонией опального автора, но и, отвечая на шквал аплодисментов, поднял высоко над головой партитуру симфонии.

«Музыкальный образ Мравинского, как и он сам, немного суроват, но он очень ёмкий, мудрый, — вспоминал сын композитора Максим Шостакович. — У них с отцом было много общего — внешняя сдержанность и внутренняя страстность». Мравинский называл Шостаковича «брат по дням», то есть брат по времени, в которое они жили. «Мравинский умел читать “между нот”, он понимал произведения отца с полужвука, — рассказывал Максим Шостакович, — и пользовался особым доверием Шостаковича, что обогащало их совместную деятельность».

Юрий Рост, известный советский фотограф и журналист, как-то получил задание сделать снимки Мравинского для журнала. «Я пришёл на репетицию, — вспоминал Юрий Михайлович. — Спросил разрешения. Мравинский сказал, что сегодня день неподходящий, много работы, а вот завтра можно. Но только встать надо в определённом месте и тихо себя вести. Я пришёл в указанное время, поставил на штатив камеру, начал его снимать.

Евгений Александрович постепенно стал привыкать ко мне. Я понял, что мне не нужен никакой объектив кроме длиннофокусного, потому что всё его дирижирование уместилось в руках, в его длинных, сухих пальцах, которые двигались фантастически. Потом вдруг произошло нечто, что поразило оркестр, как я заметил, — Мравинский засмеялся. Я не был готов, но успел схватить этот момент, хотя снимок получился смазанным. Я недоумевал, что же так его рассмешило. Я подошёл к музыканту и спросил: а что случилось? «Он сказал, что надо начинать с четвёртой цифры, а мы не расслышали и начали с третьей». Это привело Мравинского в замечательное расположение духа.

Когда закончилась репетиция, — продолжал Рост, — Мравинский пошёл к себе в дирижёрскую комнату, а я остался в зале. Я хотел снять его, чтобы он сидел на высоком стульчике с пультом, горели люстры Большого зала, чтобы он сидел и смотрел на меня и думал о своём. Я зашёл в дирижёрскую комнату и говорю, мол, Евгений Александрович, я хочу вас сфотографировать, на память. “Не надо, — отвечает он. — У меня прекрасная память”.

Мы разговорились, Мравинский признался, что фотографирует животных. Я заметил, что у него просто загорелись глаза, когда он говорил об этом. Я отвечаю, что тоже люблю фотографировать животных. И была такая история в моей жизни, когда я снял собаку, которая два года на аэродроме ждала своего хозяина. Он сразу просиял. “У меня есть эта статья! Это Вы снимали?!” Я понял, что всё, контакт найден.

Мы долго говорили. Когда уже Мравинскому надо было собираться, я спросил, удовлетворён ли он своей работой на репетиции, как профессионал. Он отвечает, да, вполне удовлетворён. А я, говорю, как профессионал совсем не удовлетворён. Потому что я вас не сфотографировал. Он посмотрел на меня, как будто оценивая, шучу я или нет. Потом ответил: “Этот аргумент примем. Идёмте”.

И мы пошли. Вокруг пусто, никого нет. Мы вышли на сцену. И он, не повышая голоса, сказал: “Зажгите свет!”. И в это время неизвестно откуда и неизвестно кто затопал ногами, побежал, и через несколько минут весь свет был зажжён. Дальше в течение пятнадцати минут он всё выполнял, что я его просил. Он стоял у пюпитра, он сидел на высоком стульчике, он не обращал на меня внимания действительно. Я дождался момента, когда он вообще обо мне забыл, погрузившись в размышления. Я его снял.

Мравинский пригласил меня вечером на концерт. Только предупредил ни в коем случае не фотографировать. Я оставил фотоаппарат и штатив в его комнате, дирижёрской, которую закрыли на его глазах. Когда концерт начался, я вышел в зал, на то самое место, где я накануне два дня стоял с фотоаппаратом. Вдруг Мравинский увидел меня на этом месте. Я почувствовал его взгляд. Какая-то неведомая сила буквально подняла меня с этого места и перенесла за кулисы.

Когда концерт закончился и Мравинский вышел за кулисы, чтобы переждать волну триумфа, он мне сказал: “Я же Вас просил!”. Я показываю руки — мол, видите, у меня ничего нет. “Мы же с Вами закрыли комнату!» — напоминаю. Он отвечает поразительно: “Это не имеет значения»».

«При всей внешней сдержанности Евгений Александрович был очень сильных страстей человек», — отмечала Александра Михайловна Вавилина.

Мравинский был женат четыре раза. Первой его женой была однокурсница по университету. Потом — Ольга Алексеевна Карпова. Они были ровесниками, имели общие интересы. Но когда Мравинский встретил Инну Серикову, музыковеда очаровательную женщину, он влюбился с первого взгляда, и врать в доме он не мог.

«Серединка на половинку — это не для Евгения Александровича, — с улыбкой говорила Александра Михайловна. — Любовь — так любовь. И из-за честности своей он всегда расписывался. Вот его женщина полюбила, он с ранней юности понимал, что ставит человека в трудное положение. Всяческие условности надо соблюдать. Первая жена была полька по национальности. Это отречение от церкви, эпитимья — значит, надо зарегистрироваться. От неё его увела Ольга Алексеевна. Тоже — она была замужем, ей пришлось развестись. Раз уж вместе, значит — надо зарегистрироваться. Потом его как красавца-оленья занесла сумасшедшая любовь. Он встретил Инну Михайловну. На двадцать лет она была моложе его. Всё — врать он не мог, без Инны жить он не мог. Только вместе».

К несчастью, Инна вскоре заболела. Болезнь подкралась незаметно — рак крови. Мравинский не находил себе места. Мерил температуру, кормил Инну из ложечки. Утешал, при этом не переставал работать. Александра Михайловна Вавилина была в то время первой флейтой оркестра и дружила с Инной. Она помогала ухаживать за Инной. «Когда случилось это горе, я смотрела на него со стороны, — рассказывала А.М. Вавилина. — Сколько энергии, сколько мужества! Сколько самой высшей материнской любви было в нём! Он с ней возился, как с куколкой маленькой!».

Когда Инна умирала, рука Мравинского лежала на её сердце до последнего биения. Потом в течение года Евгений Александрович просыпался ровно без двадцати два — в час смерти Инны. И садился в постели. Какие бы сильные снотворные он не пил, это происходило. «Что же делать? — записал Мравинский в дневнике. — Каждому предстоит пережить смерть. Но никто её не пережил».

«Когда Инны Михайловны не стало, мне чудом удалось его спасти, — признавалась Александра Михайловна. — Он хотел покончить жизнь самоубийством, вот так же, как Хемингуэй. Взял ружьё охотничье, двустволку. Просто я случайно почувствовала, что-то он затих, ворвалась в комнату. А он уже приготовился сделать маленький жест большим пальцем ноги. Мне удалось выдержать очень большое сражение. У нас баталия была не на жизнь,

а на смерть. И всё-таки я не жалею о том своём поступке. Ещё двадцать пять лет после этого он дарил нам красоту и радость».

После смерти Инны Мравинский и Александра Михайловна больше не расставались. Друзья семьи вспоминали: «Он к Але был очень привязан. Там может быть, не было, как с Инной, какой-то пылкости, но Инна была совсем другая, ничего общего. Аля просто положила себя под его интересы».

«Мравинский всю жизнь прожил, до конца, с ранимостью мальчика, — рассказывала Александра Михайловна. “Ты на меня почему-то не посмотрела”, — он вдруг обидится. “Ты сегодня ко мне не подошла”». Особенно не нравилось Евгению Александровичу, когда Александра Михайловна садилась играть в шахматы. «Я как-то спросила, — продолжала Александра Михайловна, — почему ты так не любишь шахматы? Он — мне: “А ты когда-нибудь видела своё лицо, когда ты в шахматы играешь?” — “Конечно, нет, — я пожала плечами. — А что у меня за лицо, когда я играю в шахматы?” Он, так сурово: “Как будто меня нет”».

Последние двадцать лет Мравинский прожил в доме на Петровской набережной, его ещё называли в народе «Дворянское гнездо». Эту квартиру ему дали, когда узнали, что Мравинский принимает западных гостей у себя в коммуналке.

Мравинский всегда жил более чем скромно. У него был принцип — не обрастать. Один раз экспроприировали, другого не надо. «Когда я попал в его квартиру, я был поражён, — вспоминал Евгений Светланов, — ни одной лишней вещи! Всё по-спартански!».

«Эти дома были устроены с “улучшенной слышимостью”, — шутила Александра Михайловна. — Над нами жили рабочие с Балтийского завода. У них была очень большая семья и расстроенное пианино. И кто-то из детишек всё время на нём брэнчал. Когда Мравинскому надо было готовиться к концерту, я шла наверх и говорила: “Знаете, детишки, сегодня у Евгения Александровича концерт. Давайте, от двух до четырёх не колотите”. И была полная тишина».

В свободное время Мравинский частенько наведывался в гости на дачу к Шостаковичу. «Вот, говорят, что такие сухие были люди, только музыка, — вспоминал Максим Шостакович. — Нет, они оба отнюдь не были примером закрытости. И тот и другой были очень богатые эмоционально личности. Жгли костры, я сам с Евгением Александровичем сколько раз ловил рыбу!». «Это верно, — соглашалась Александра Михайловна. — Очень любили вместе посидеть. Наизусть цитировали Лескова, Гоголя, оба как дети смеялись. И “наклюкаться”, как они выражались. Особенно, когда меня или Ирины Антоновны нет. Присмотреть некому. Но Евгений Александрович был человек волевой, знал, когда остано-

виться. Если сидим у кого-то, я ему на ногу давлую. Он мне тихо: “Не лишай меня удовольствия, пожалуйста”». То же и с курением. Сколько говорила: “Не надо тебе курить. Каждая папироса — это день нашей с тобой жизни”. Но в этом воли не хватало. Себя проклинал, но курил. Бывало, разбушует, если что-то не по нему, так и об батарею чайничек запустит, — смеялась Александра Михайловна. — Но Бог с ним, с чайничком, лишь бы у него сердце не разрывалось. Я ему однажды сказала: “Знаешь что? Мы переходим на пластмассовую посуду”. Он заулыбался».

Последнее заграничное турне оркестра под управлением Мравинского состоялось в 1984 году. Последнее выступление дирижёра на легендарной сцене Ленинградской филармонии было 6 марта 1987 года, программа этого концерта включала 8-ю симфонию Шуберта и 4-ю симфонию Брамса.

Мравинский давно жаловался на недомогание. Болезнь прогрессировала быстро, и вскоре Евгений Александрович не мог вставать. «Ты знаешь, что я умираю? — спрашивал дирижёр жену. — Ты должна это знать». «Он не хотел покидать мир земной, но и не хотел проворонить рубеж между жизнью и смертью. Оставался в сознании до самого конца».

Евгений Мравинский скончался 19 января 1988 года.

«Я часто вспоминал его потом, — рассказывал Юрий Рост. — Во всяком случае, всегда, когда приезжал в Ленинград. Даже если бы он не дирижировал, он просто украшал бы собой этот город, являлся бы его воплощением. В чёрном пальто, весь прямой, сухой. Строгий. Это и есть образ Ленинграда. Петербурга».

Великого дирижёра похоронили на Богословском кладбище. В 90-е года могилу осквернили вандалы. Бюст сорвали с постамента, пытались украсть. Исчезла выполненная из бронзы пьета рядом с постаментом. Александре Михайловне пришлось заказать её ещё раз — из камня.

Многие годы после смерти Мравинского Александра Михайловна берегла его память, преподавала в Санкт-Петербургской консерватории. Она трагически погибла в возрасте 94 лет в сентябре 2021 года. В четырёхкомнатной квартире на Петровской набережной, где она жила, произошёл пожар. В коридоре и на кухне горела обстановка на площади 30 квадратных метров. Домработница, которая всегда приходила к Александре Михайловне, в этот день не пришла. Борясь с огнём, Александра Михайловна задохнулась. Многие ценные вещи, служившие напоминанием о Мравинском, увы!, погибли.

Санкт-Петербург